

Василий Аксенов

На полпути к Луне

*Часть сборника
Гибель Помпеи (сборник)*

Василий Аксенов
На полпути к Луне

«ЭКСМО»

1966

Аксенов В. П.

На полпути к Луне / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1966

ISBN 978-5-457-11942-0

«Ерунда, – думал он, морщась от головной боли, – осталось 50 минут. Сейчас объявят посадку, и знать тебя не знали в этом городе. Город тоже мне. Город-городок. Не Москва. Может, кому он и нравится, мне лично не то, чтобы очень. Ну его на фиг! Может, в другой раз он мне понравится...»

ISBN 978-5-457-11942-0

© Аксенов В. П., 1966

© Эксмо, 1966

Василий Аксенов

На полпути к Луне

– Может, вам кофе принести?

– Можно.

– По-восточному?

– А?

– Кофе по-восточному, – торжествующе пропела официантка и поплыла по проходу.

«Ерунда, баба как баба», – успокаивал себя Кирпиченко, глядя ей вслед.

«Ерунда, – думал он, морщась от головной боли, – осталось 50 минут. Сейчас объявят посадку, и знать тебя не знали в этом городе. Город тоже мне. Город-городок. Не Москва. Может, кому он и нравится, мне лично не то, чтобы очень. Ну его на фиг! Может, в другой раз он мне понравится».

Вчера было сильно выпито. Не то чтобы уж прямо «в лоскуты», но крепко. Вчера, позавчера и третьего дня. Все – из-за этого гада Банина и его дражайшей сеструхи. Ну и раскололи они тебя на твои трудовые рубли!

Банина Кирпиченко встретил третьего дня на аэродроме в Южном. Он даже не знал, что у них отпуска совпадают. Вообще ему мало было дела до Банина. В леспромхозе все время носились с ним, все время кричали: «Банин-Банин! Равняйтесь на Банина!» – но Валерий Кирпиченко не обращал на него особого внимания. Понятно, фамилию эту знал и личность была знакомая – электрик Банин, но в общем и целом человек это был незаметный, несмотря на весь шум, который вокруг него поднимали по праздникам.

«Вот так Банин! Ну и ну, вот тебе и Банин». В леспромхозе были ребята, которые работали не хуже Банина, а может быть, и давали ему фору по всем статьям, но ведь у начальства всегда так – как нацелятся на одного человека, так и пляшут вокруг него, таким ребятам завидовать нечего, жалеть надо их. В Баюклах был такой Синицын, тоже на мотовозе работал, как и Кирпиченко. Облюбовали его корреспонденты, шум подняли страшный. Парень сначала вырезки из газет собирал, а потом не выдержал и в Оху смотался. Но Банин ничего, выдерживал. Чистенький такой ходил, шустрый. В порядке такой мужичок, не видно его и не слышно. В прошлом году весной привезли на рыбокомбинат двести невест с материка – сезонниц по рыборазделке. Собрались ребята к ним в гости, орут, шумят... Смотрят, в кузове в углу Банин сидит, тихий такой, не видно его и не слышно.

«Ну, Банин...»

На аэродроме в Южном Банин бросился к Кирпиченко, как к лучшему другу. Прямо захлебываясь от радости, он вопил, что страшно рад, что в Хабаровске у него сеструха, а у нее подружки – мировые девочки. Он стал расписывать все это дело подробно, и у Кирпиченко потемнело в глазах. После отъезда невест из рыбокомбината за всю зиму Валерий видел только двух женщин, точнее, двух пожилых крокодилов – табельщицу и повариху.

«Ах ты, Банин-Банин...»

В самолете он все кричал летчикам: «Эй, пилоты, подбросьте уголька!» Прямо узнать его было нельзя, такой сатирик... «Мало я тебе подкинул, Банин!»

Дом, в котором жила банинская сеструха, чуть высывался из-за сугроба. Горбатую эту улицу, видно, чистили специальные машины, а отвалы снега не были вывезены и почти скрывали от глаз маленькие домики. Домики лежали словно в траншее. В скрипучем морозном воздухе стояли над трубами голубые дымки, косо торчали антенны и шесты со скворечниками. Это была совершенно деревенская улица. Трудно было даже поверить, что на холме по проспекту ходит троллейбус.

Кирпиченко немного ошалел еще в аэропорту, когда увидел длинный ряд машин с зелеными огоньками и стеклянную стену ресторана, сквозь морозные узоры которой просвечивал чинный джаз. В «Гастрономе» на главной улице он совсем распоясался: вытаскивал зеленые полусотенные бумажки, хохоча, запихивал в карманы бутылку, сгребал в охапку банки консервов. Развеселый человек Банин смеялся еще пуще Кирпиченко и только подхватывал сыры и консервы, а потом вступил в переговоры с заведомом и добыл вязанку колбасы. Банин и Кирпиченко подкатили к домику на такси, заваленном разной снедью и бутылками чечено-ингушского коньяка. В общем, к сеструхе они прибыли не с пустыми руками.

Кирпиченко вошел в комнату мохнатой шапкой под потолок, опустил продукты на кровать, покрытую белым пикейным одеялом, выпрямился и сразу увидел в зеркале свое красное худое и недоброе лицо.

Лариска, банинская сеструха, по виду такая пухленькая медсестричка, уже расстегивала ему пальто, приговаривая: «Друзья моего брата – это мои друзья». Потом она надела пальто, боты и куда-то уchapала.

Банин работал штопором и ножом, а Кирпиченко пока оглядывался. Обстановка в комнате была культурная: шифоньер с зеркалом, комод, приемник с радиолой. Над комодом висел портрет Ворошилова, еще довоенный, без погон, с маршальскими звездами в петлицах, а рядом грамота в рамке: «Отличному стрелку ВОХР за успехи в боевой и политической подготовке. УСВИТЛ».

– Это батина грамота, – пояснил Банин.

– А что, он у тебя вохровцем был?

– Был, да сплыл, – вздохнул Банин. – Помер.

Однако грустил он недолго, – стал крутить пластинки. Пластинки были знакомые – «Рио-рита», «Черноморская чайка», а одна какая-то французская – три мужика пели на разные голоса и так здорово, как будто прошли они весь белый свет и видели такое, что ты и не увидишь никогда.

Пришла Лариска с подругой, которую звали Томой. Лариска стала наводить на столе порядок, бегала на кухню и назад, таскала какие-то огурчики и грибы, а Тома, как села в угол, так и окаменела, положила руки на колени. Как с ней получится, Кирпиченко не знал и старался не глядеть на нее, а как только взглядывал, у него темнело в глазах.

– Руки мерзнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть? – с нервной веселостью воскликнул Банин. – Прошу к столу, леди и джентльмены.

«Мало я тебе пачек накидал, Банин».

Кирпиченко курил длинные папиросы «Сорок лет Советской Украины», курил и пускал колечки. Лариска хохотала и нанизывала их на мизинец. В низкой комнате было душно. Кирпиченковы ноги отсырели в валенках, наверное, от них шел пар. Банин танцевал с Томой. Та за весь вечер не сказала ни слова. Банин что-то ей шептал, а она криво усмехалась сомкнутым ртом. Девушка была статная, под капроновой кофточкой у нее просвечивало розовое белье. В темных оранжевых кругах перед Кирпиченко расплывались стены, портрет Ворошилова и слоники на комод, и прыгали выпущенные им дымные колечки, и палец Ларисы выписывал какие-то непонятные знаки.

Банин и Тома ушли в другую комнату. Тихо щелкнул за ними английский замок.

– Ха-ха-ха, – хохотала Лариска, – что же вы не танцевали, Валерий? Надо было танцевать.

Кончилась пластинка, и наступила тишина. Лариска смотрела на него, щуря косые коричневые глаза. Из соседней комнаты доносился сдержанный визг.

– От вас, Валерий, одно продовольствие и никакого удовольствия, – хихикнула Лариска, и Кирпиченко вдруг увидел, что ей под тридцать, что она видала виды.

Она подошла к нему и прошептала:

- Пойдем танцевать.
- Да я в валенках, – сказал он.
- Ничего, пойдем.

Он встал. Она поставила пластинку, и три французских парня запели на разные голоса в комнате, пропахшей томатами и чечено-ингушским коньяком, о том, что они прошли весь белый свет и видели такое, что тебе и не увидеть никогда.

- Только не эту, – хрипло сказал Кирпиченко.
- А чего? – закричала Лариска. – Пластиночка что надо! Стиль!

Она закрутилась по комнате. Юбочка ее плескалась вокруг ног. Кирпиченко снял пластинку и поставил «Рио-риту». Потом он шагнул к Лариске и схватил ее за плечи.

Вот так всегда, когда пальцы скользят по твоей шее в темноте, кажется, что это пальцы луны, какая бы дешевка ни лежала рядом, все равно после этого, когда пальцы трогают твою шею, – надо бы дать ей по рукам, – кажется, что это пальцы луны, а сама она высоко и сквозь замерзшее стекло похожа на расплывшийся желток, но этого не бывает никогда, и не обманывай себя, будет ли это, тебе уже 29, и вся твоя неладная и ладная, вся твоя распрекрасная, жаркая, холодная жизнь, какая она ни на есть, когда пальчики на шее в темноте, кажется, что это...

- Ты с какого года? – спросила женщина.
- С тридцать второго.
- Ты шофер, что ли?
- Ага.
- Много зарабатываешь?

Валерий зажег спичку и увидел ее круглое лицо с косыми коричневыми глазами.

- А тебе-то что? – буркнул он и прикурил.

Утром Банин шлепал по комнате в теплом китайском белье. Он выжимал в стакан огурцы и бросал в блюдо сморщенные огуречные тельца. Тома сидела в углу, аккуратная и молчаливая, как и вчера. После завтрака они с Лариской ушли на работу.

– Законно повеселились, а, Валерий? – заискивающе засмеялся Банин. – Ну ладно, пошли в кино.

Они посмотрели подряд три картины, а потом завернули в «Гастроном», где Кирпиченко опять распоясался вовсю, вытаскивал красные бумажки и сваливал в руки Банина сыры и консервы.

Так было три дня и три ночи, а сегодня утром, когда девицы ушли, Банин вдруг сказал:

- Породнились мы, значит, с тобой, Валерий?
- Кирпиченко поперхнулся огуречным рассолом.
- Чего-о?

– Чего-чего! – вдруг заорал Банин. – С сеструхой моей спишь или нет? Давай говори, когда свадьбу играть будем, а то начальству сообщу. Амoralка, понял?

Кирпиченко через весь стол ударил его по скуле. Банин отлетел в угол, тут же вскочил и схватился за стул.

– Ты, суций потрох! – с рычанием наступал на него Кирпиченко. – Да если на каждой дешевке жениться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.